

Предисловие к новому изданию

Вчера, занимаясь написанием этого предисловия, я решил немного расслабиться. Устроившись на диване, я смотрел по телевизору фильм, который уже видел три-четыре раза: «Красотка» (Pretty Woman). Я констатировал, что он нисколько не постарел, потому что идеально иллюстрирует новый идеал любовной встречи. Пока его образы еще свежи у меня в памяти, позвольте мне объяснить, почему актуальны поиски Прекрасного Принца¹.

«Красотка» — безусловно, современная волшебная сказка, в которой принц — генеральный директор компании, замки — особняки, а карета — лимузин; но, тем не менее, это самая настоящая волшебная сказка. В этом все очарование фильма, оно объясняет его успех. Потому что помимо горькой правды, мы нуждаемся в чудесных сказках и в вере в них. Для того, чтобы мы могли примириться с бедами и ограниченностью реальной жизни, а также (и тут все становится интереснее) чтобы опереться на них при изобретении будущего. Несмотря на свой порой средневековый облик (без белого коня никак не обойтись), фантазия о Прекрасном Принце на самом деле более чем

¹ Непрерывное движение Прекрасного Принца между воображением и реальностью мешает анализу. О ком идет речь? Женщина, мечтающая о Принце из волшебной сказки, прекрасно знает, что он может быть и прекрасный, но вымышленный персонаж. Тогда так та, что ищет просто подходящего мужчину, называя его принцем, довольствуется тем, что придает немного блеска тому, чью ординарность она видит вполне реалистически. Она может верить в принца именно потому, что он не принц. Чтобы различать две этих фигуры, настоящий Прекрасный Принц из волшебных сказок будет писаться с большой буквы, а тот, кто погружен в банальность, будет лишен этой чести. Есть Принц и принц.

современна. С этой точки зрения, «Красотка» — очень типичная для нашего времени история. Здесь действует следующий парадокс: чем более рефлексивным и рациональным становится отношение нашего информационного общества к частной жизни, тем сильнее наша потребность в том, чтобы заново собрать и склеить те осколки, которые были произведены критическим мышлением. А для этого нет ничего лучше идеализированного сюжета, который придаст долгожданные ориентиры нашему жизненному сценарию. «Красотка» — сказка, в чье воплощение невозможно поверить ни на минуту, однако, она находится в самом центре создания настоящей жизни для миллионов зрителей, которых она захватила и заставила вступить на путь работы над собой.

Фантазия о Прекрасном Принце говорит не только о любви. Самая глубокая и сокровенная мечта заключается в том, чтобы порвать с монотонной рутинной повседневного существования, чтобы устремиться (и здесь снова возникает белый конь, бросающий вызов законам гравитации) к легкости, от которой исходят самые сильные вибрации. Наполниться жизнью и изменить жизнь. С этой точки зрения, путь Вивиан Уард (Джулия Робертс) символичен: трансформируется сам ее «телесный габитус», говоря языком Бурдьё. Она становится совершенно другой — сияющей уверенностью в себе и красотой. Но и при отсутствии такого радикального переворота все равно остаётся надежда чуть-чуть оторваться от земли, к которой приковывает свинцовый груз обыденности. Прекрасный Принц — инструмент революции идентичности. Как и Ричард Гир, Принц во всех мечтах предстает красивым, очень красивым, он узнается сразу и безошибочно. Но описывается он по-разному в зависимости от вкусов почитательниц. Его красота в некотором роде магическая, именно она отличает его от заурядных принцев. Что это за магия? Это вспышка молнии, свет, сила очевидности. А также резонанс с самым сокровенным. Потому что Принц является таковым не просто потому, что красив, а пото-

му, что от него исходят особые вибрации. Он вырывает из реальности, из серости, он уносит в неизвестные феерические дали.

Все рассказывают себе истории и замечают истории других людей, чтобы питать ими свою фантазию. Предложение все новых историй стало для человечества такой же потребностью, что и производство пшеницы или стали. Нескончаемое число нарративных форм распространяется через романы, кино, телевидение или песни и обволакивает нас в нашей повседневной жизни, подсказывая сценарии, отвечающие на новые вопросы нашего времени. Конечно, рассказывать истории (тем более истории, намекающие будущее) — для общества не новость. В самом его основании лежат мифы. Но сегодняшние истории размножились и распались на всевозможные категории, все теснее касаясь личных или даже интимных забот. А поскольку каждый чувствует себя творцом самого себя, то эта деятельность все реже делегируется специальным институтам, таким как кино или литература. Автобиография превратилась в массовое занятие и пережила взрывной рост в блогах. Потому что рассказать свою историю другим стало почти так же важно, как рассказать ее себе. Например, многие истории любви переживаются только для того, чтобы послужить материалом для рассказов в компаниях друзей или подруг. Главным по-прежнему остается внутренний диалог между пережитым опытом и его нарративизацией, историями о себе, которые рассказывает каждый. Рассказ — инструмент, при помощи которого индивид хочет форсировать свою судьбу. Часто не так-то просто сказать, что именно становится двигателем и доминирует — опыт или рассказ. Повсеместное распространение фантазии о Принце в обществе показывает ту силу, которой могут достигать эти сценарии, направляющие жизнь, когда влюбленная поклонница изо всех работает над реальностью, чтобы инкорпорировать ее в рассказ. Тем не менее в той же самой области любовных отношений небольшие компромиссы с идеалом демонстрируют и то, какое большое

место сегодня занимает опыт. Все происходит так, словно современный индивид все больше мечтает построить свою жизнь в соответствии со своими представлениями, но при этом придирчиво следит за тем, чтобы его мечты не оказались пустым обманом, и не теряет связи с переживаемым опытом. Явно существует все больше обостряющееся фундаментальное противоречие между двумя формами субъективности. Нарративной субъективностью, важной для идентичности, которая замыкает смысл в динамической форме при помощи рассказа. И рефлексивной субъективностью, гораздо более экспериментальной и открытой, которая вписывается в широкое историческое движение подчинения социальности науке. Всеу свое время — и красивым историям, и грубой реальности, разглядываемой под лупой.

А вот ошибка, которой лучше избежать, — это сводить «Красотку» к миру фантазии как утешения, мимолетной идентификации, о которой хорошо известно, что она лишь мечта. Потому что вымыслы, которыми мы питаем наши собственные истории, строят будущее ничуть не меньше наших холодных, критических взглядов. Без историй, которые мы себе рассказываем, мир был бы необитаемым психическим адом. Взять один единственный пример любовной встречи. Она не была основополагающим моментом в жизни. В первых обществах то, кто на ком женится, определялось местом в родословной. Ближе к нам в феодальном обществе решение об образовании пар принимали семьи сообразно своим интересам и понятиям, а не сами супруги, которые не выбирали друг друга. Именно с этим неумолимым бременем института брака вступает в войну литература во имя любви и свободы. Но какими бы прекрасными ни были рассказы, какими бы зажигательными — страсти, влюбленные никогда бы не научились обходить институт брака, если бы ни одно искусное изобретение — идея любовной судьбы. Чувство стало восприниматься как относящееся к божественному порядку, как то, что связывает мужчину и женщину, которым пред-

назначено судьбой быть вместе друг с другом и не с кем другим (развод в этом случае — нелепость), а встреча (поражающая подобно молнии) — как раскрытие этой предопределенности. Только такое любовное предопределение могло стать очевидностью в силу привязки к социальной судьбе.

Проблема в том, что эта концепция сохранилась после того, как завершилась эпоха, сделавшая ее необходимой. Индивиды при этом перестали быть рабами прошлых обстоятельств, связывавших их, и отныне должны руководствоваться в своем поведении рациональным мышлением. Однако идея любовного предопределения не желает уступать своих позиций и отказывается умирать. Несмотря на повторяющиеся неудачи в браке, постоянную нерешительность, фрагменты красивых историй, пережитых с разными партнерами, люди продолжают верить, что где-то есть единственный человек, который предназначен им судьбой и ждет их. Мы отказываемся принять то, что любовь носит чисто человеческий (а значит переменчивый и относительный) характер. Когда я проводил исследование для этой книги, меня поразило, как часто фантазии о Прекрасном Принце приводят к идее любовного предназначения. Женщина проживает свою жизнь, будучи уверена в том, что в один прекрасный день она Его встретит, что это где-то НАПИСАНО. Эта архаическая позиция чистого ожидания сегодня творит немало бед, потому что душит в зародыше истории, которые могли бы начаться, но отвергаются на том основании, что лишены ослепительного сияния, а потому не соответствуют коду настоящей любовной встречи.

Однако общество неумолимо движется совсем в другом направлении. В направлении непоправимого осознания того, что с любовной судьбой покончено. Нет одного единственного человека, который был бы нам парой, их сотни и тысячи. В любви сегодня, как и во всем остальном, несчастный индивид должен выбирать сам. Даже если речь идет, вероятно, о самом важном выборе в его жизни. Од-

нако в любви методы несколько иные. Конечно, у многих возникает искушение (поскольку нужно отказаться от идеи предопределения) впасть в самую радикальную рациональность: изобрести новый консьюмеризм, когда выбор среди кандидатов производится как среди продуктов. На сайтах знакомств каждый нередко оценивает, сравнивает, тестирует претендентов, а они в свою очередь научились себя продавать при помощи искусной упаковки. К сожалению, когда проходит первоначальный энтузиазм по поводу изобилия индивидов-продуктов (столько доступных мужчин на расстоянии одного клика), приходит усталость и отчаяние из-за слишком большого выбора, который сам убивает выбор. Невозможно ни на ком остановиться, при сравнении всегда находится кто-то еще, лучше подходящий по какому-то критерию.

К счастью, мужчина (или женщина) не выбирается как баночка йогурта. Любовь, хотя она и меняется (а меняется она сегодня очень быстро), остается уникальным искусством, лишь частично интегрируемым в критическое мышление. И это искусство основано преимущественно на двух вещах. Во-первых, нужно уметь отдаться моменту и пережить его магию, моменту, который нас преобразует (даже если нам сегодня приходится немного контролировать, куда заведет нас этот порыв). Во-вторых, чтобы подготовить будущее и управлять поисками, приходится предпочитать образы и истории со слишком холодным головой, что рискует завести в консьюмеристский тупик. И здесь фантазия о Прекрасном Принце может оказаться полезным инструментом. Она определяет сценарии. В какой-то мере слишком красивые, да, но чтобы возбудить желание, надо уметь помечтать. Это изменчивые сценарии с неопределенным контуром, но именно поэтому они позволяют не поставить заслон между собой и реальностью, особенно когда вера в любовное предназначение заставляет ждать и ничего не делать. История «Красотки» совсем не такая: героиня осуществляет свою мечту, несколько не теряя своего динамизма, эффективности и даже прагма-

тизма (и порой, осмелюсь сказать, даже некоторого прохиндейства). Она — наша современная Золушка.

Эта книга рассказывает очень современную сказку: как сегодня стать Золушкой.

Жан-Клод Кофман

Введение

Эта книга рассказывает историю о странной паре, которую образуют одинокая женщина и Прекрасный Принц. Своего рода современную сказку. Но в той же мере и правдивую историю. Одинокая женщина — ее главная героиня: она везде будет присутствовать в рассказе. И это очень живая героиня: описываются ее мельчайшие жесты и факты жизни, прослеживаются все ее мечты и мысли. А Принц будет появляться только время от времени. Это двусмысленная фигура. Зачем обращаться в наше время к этому стародавнему стереотипу? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно дочитать книгу до конца.

Эта книга не довольствуется одним рассказыванием истории. Следует сразу признаться: история — всего лишь повод, нить Ариадны в анализе одиночной жизни, в запутанном лабиринте, в котором можно легко потеряться. Читатель между тем может выбрать предлог вместо анализа и, пропустив несколько глав, следить за приключениями Принца и нашей современной Золушки.

Тем не менее рекомендуется отдать предпочтение анализу, который составляет ядро книги.

Я работаю над темой жизни вне пары и одиночества уже восемь лет. И уже давно мне удавалось выйти только на очевидность того, что есть новые категории и вопросы, все более частные и многочисленные: изоляция мужчин, чувство одиночества у замужних женщин в семье и так далее. Накопление деталей в отсутствие генеральной линии создает эффект помех. В этом состоит парадокс атомизированного знания: чем больше мы знаем, тем меньше мы знаем. А чем меньше мы знаем, тем меньше можем сказать, ясно и четко. А ведь именно этого ждут те, кто живет одиночной жизнью: наконец-то услышать четкое и ясное по-

слание, которое бы объяснило причины этого странного существования, помогло бы в принятии решений, затрагивающих будущее.

Такая была принята оптика: пользуясь нитью Ариадны, сделать все, чтобы увидеть центральный процесс, даже пожертвовав маргинальными и специфическими категориями. Поэтому здесь не будет ничего говориться о трудностях с поиском пары у крестьян, об одиночестве женщин в семье и о тысяче других проблемных микроконтекстов. Не будет ничего сказано и об изоляции людей пожилого возраста. И очень мало о мужчинах. Конечно, это не маргинальная категория, и их нам может не хватать. Но такую цену придется платить за то, чтобы исчерпывающе представить эту тему, особенно если у нее сложное содержание: необходимо отдать приоритет центру.

Здесь в центре находятся женщины, в этом нет никаких сомнений, и в выборе именно женщин не было ничего случайного. Точно так же, как не было ничего случайного в выборе возрастной группы: от 20 до 50 лет. Потому что социальная механика, которая будет детально описываться далее, работает по максимуму именно в ней. Мы увидим, как в одиночной жизни соединяются две противоположных составляющих: жизнь в одиночку — это раздвоенная жизнь. Причина тому — тайная модель частной жизни, которая ставит женщин этого возраста в совсем другое положение: они все телом и душой должны быть преданы семье. Разрывающаяся между тягой к автономии и давлением тайной модели, одинокая женщина оказывается в центре циклона, непрерывно размышляя о том, за что и почему ей выпала такая мучительная жизнь. Вдобавок она много пишет о себе: проникнуть в ее самые сокровенные мысли нам помог корпус писем. Описание фактических аспектов (в частности портрет, нарисованный во второй части книги) также опирается на синтез количественных работ и исследований.

По многим параметрам жизнь одиноких мужчин похожа на жизнь одиноких женщин. Мужчина вступает

на эту биографическую траекторию с той же беззаботной энергией, с той же жаждой построить жизнь по своим собственным лекалам. А потом точно так же для него приходит время вопросов и сомнений. Порой случаются такие приступы одиночества, которым женщины не позавидуют: желание семьи, детей (именно их отсутствие больше всего заставляет мечтать), теплоты близкого человека и общественного признания, домашнего покоя и нормальности. Таким образом, одинокие мужчины тоже могут прочитать эту книгу и узнать себя во многих пассажирах: регрессия внутрь собственного дома, резкие выходы в свет («Сегодня вечером я ее встречу»), радости и горести экзистенциальной легкости и так далее. Однако они будут удивлены, когда увидят механизмы, структурирующие их собственную повседневность, но только в более четком и ясном виде: на женской стороне все видно как под увеличительным стеклом. Например, в Третьей части мы посмотрим, как «логика панциря» заставляет женщин представлять себя в самом выгодном свете и строить свою идентичность под взглядами других людей, легитимируя эту свою половину. Мужчины тоже этим занимаются, но в меньшей степени: они более открыто предъявляют свои внутренние терзания. У них «логика панциря» не развивается до стадии «парадокса привлекательности», в ловушку которого попадают некоторые женщины, кажущиеся недоступными из-за своего совершенства.

Одинокая жизнь не всегда ассоциируется с острым чувством одиночества (оно играет важную роль, если автономия принимается неохотно), но скажем правду: одиночество присутствует в ней часто. Еще раз подчеркнем: у мужчин одиночество бывает не менее сильным, чем у женщин. Хотя речь и идет о данных, с трудом поддающихся измерению, может даже оказаться, что у мужчин оно несколько сильнее. Потому что мужчины привыкли к тому, что их окружают и эмоционально поддерживают женщины (мать, преданная жена), потому что они менее автономны в организации своего домашнего быта. Внезапно им

перестает хватать ключевой формы поддержки, это более конкретное одиночество, в грубом виде. В несколько иных формах (скорее плечо для опоры, чем преданность), эта пустота от отсутствия встречается и у женщин, порой интенсивно в той мере, в какой ожидание брака традиционно имеет для них больше последствий. Но это только одна из составляющих внутреннего смятения. Сильнее социальная механика: одиночество неуловимо, оно производится странной внешней силой. Для социолога очевидно: именно в этом месте и нужно вести поиски.

В Первой части будет обрисована обстановка, в частности исторический контекст. Отчего происходит этот постоянный рост числа одиноких людей? Во второй части мы погрузимся в различные детали повседневной жизни, чтобы нарисовать портрет, который не обладал бы таким единством, если бы не был продуктом социальной механики. В Третьей части наконец будет дан ключ к объяснению: траектория автономии. Одинокая женщина попадает на нее вопреки своей воле и сама же ее укрепляет, чтобы лучше пережить свое настоящее. И тогда внутри нее разражается безжалостная война между двумя совершенно разными перспективами идентичности: самоотверженная женщина (преданная семейной гипотезе) или автономная женщина? Вопрос настойчиво возвращается снова и снова.

В предыдущей книге «Трудиться с душой» я анализирую то, как семья структурируется ритмом бытовой жизни и как идентичность индивидов выстраивается под грузом этих семейных привычек и вещей. Здесь мы увидим другую возможную версию самореализации. Уже не покой и стабильность, обеспеченную парализующей массой конкретного, а неуверенность и легкость идентичности, колеблющейся в зависимости от своих мыслей. Неслучайно такое важное место в жизни одинокой женщины занимает бытовой бунт. Потому что груз домашних обязанностей — символ и знак другого выбора идентичности (семьи), который с особой тяжестью ложится на плечи женщин,

навечно загоняя их в рамки, унаследованные из далекого прошлого. Траектория автономии увлекает их в противоположный мир, неведомый и открытый. Самые большие удовольствия и радости порождаются бытовой свободой: делать все что заблагорассудится, когда заблагорассудится, не готовить, а только перекусывать. Но отсюда же берутся и самые тяжелые беды: в чем смысл этой жизни без рамки, в которой ничто ни к чему не привязывает? Мечты разбегаются в противоположных направлениях, и Принц меняет обличье в зависимости от того, что ожидается от него в данный момент. Он превращается в спокойного мужа-папу, когда идея в том, чтобы любой ценой завести семью: он становится неприступным идеалом, когда главной ценностью остается автономия, привязанная к любовному идеалу (заставляющая не мириться с посредственностью).

У мужчин не существует аналога Прекрасного Принца. Так как речь идет либо о включенности в семью, либо о любовном идеале, амбиции оказываются ограниченными. Мужчины все больше мечтают о семье и о любви, но все равно меньше, чем женщины. Мужское одиночество порой очень тяжело, но оно все равно остается сугубо частным делом. В этом огромное различие с женщинами, для которых одинокая жизнь одновременно дело и частное, и общественное, затрагивающее все общество в целом. Вступая на траекторию автономии, они делают выбор, который касается не только их одних: они ставят под вопрос базовую структуру (семью, основанную на роли самоотверженной женщины).

Мы пока еще находимся на стадии самых первых вопросов, которые ставит перед нами устремленность женщин к автономии.

Часть первая

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ
МОДЕЛЬ ЧАСТНОЙ
ЖИЗНИ?

Почему столько людей живут одни? Почему их численность неуклонно растет год от года? Ответ на этот вопрос дается редко. Потому что его не очень-то хочется услышать, он сметает запреты, ставит под сомнение оплот нашего общества.

Поэтому с необходимой осмотрительностью я попытаюсь дать некоторые элементы для ответа. Начав со взгляда в прошлое: откуда пошло это движение, которое теперь захватило миллионы мужчин и женщин, заставив их действовать так, часто вопреки их собственной воле?

Глава 1

ЖИТЬ В ОДИНОЧКУ: ДОЛГАЯ ИСТОРИЯ

Историю безбрачия еще только предстоит написать (Knibiehler, 1991), если писать ее «не с насмешкой, не представлять ее в качестве исключения или ненормальности» (Farge, Klapisch-Zuber, 1984, p. 296), и особенно безбрачия женщин. Разумеется, здесь, на нескольких вводных страницах, я не могу поставить перед собой столь амбициозную задачу, которой ныне занимаются и некоторые другие исследователи (Bologne, 2004). Необходимо, однако, дать краткий обзор этой темы, чтобы попытаться понять, как возникла эта давняя тенденция к одинокой жизни. Читатель, надеюсь, простит мне ту смелость, что позволяет мне здесь, на нескольких страницах, жонглировать веками и рисовать схемы, которые, наверное, слишком просты и ясны, чтобы соответствовать противоречивой толще социальной материи. Но все же важно немного эти вещи прояснить.

Брак в прошлом

Сегодня нам известно, что первые человеческие общества были чрезвычайно разнообразными. Однако в своем формировании они использовали одни и те же инструменты. В частности, религию, исходную форму социальной связи. И брак. Брак не был малозначительной подробностью и не был делом исключительно частным; брак лежит в основании цивилизаций, пронизывая всю историю челове-

чества. Этнологи сегодня предпочитают говорить о союзе. Этот термин иллюстрирует первичную функцию брака: он позволял малым группам (в «обмене женщинами», совершавшемся согласно установленной процедуре) объединяться в более крупные сообщества и таким образом избегать войн.

Тезис о том, что брак с самого начала занимал центральное место, ничего не говорит нам о конкретных аспектах супружеской жизни, весьма отличных от нашей эпохи и в то же время существенно разнящихся в разных группах. Например, в некоторых обществах супруги жили в отдельных помещениях. Важна была родственная связь, закрепляемая браком и соединяющая два семейства, две социальных группы, — но также связывающая двух частных лиц. Брак, являясь вопросом общественного порядка и коллективного интереса, не мог, разумеется, обходиться без личного объединения двух индивидов.

Термин «объединение» должен пониматься здесь в максимально сильном смысле: он предполагает, что двое должны стать одним. Современная пара открыла путь ко все более интимному интерсубъективному общению партнеров (Луман, 2025). Параллельно, однако, укрепляется индивидуальная автономия, которая ведет к разрыванию союзного договора, оказывающегося в таких случаях ненадежным. Тогда как в первых обществах, которым наше интимное общение неизвестно, матримониальное объединение является тотальным. Оно представляет собой создание безупречной целостности, превосходящей индивидов.

Недопустимое безбрачие

Вот почему сама идея безбрачия является противостественной. Когда же оно все-таки встречается, оно воспринимается в качестве чего-то недопустимого, и каждый стремится скрыть эту опасную бессмыслицу или же устранить ее, насильно женив несчастного холостяка,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru